

Отдел по образованию, спорту и туризму
Дрибинского райисполкома
Государственное учреждение образования
«Черневский учебно-педагогический комплекс
ясли-сад-средняя школа»

Республиканская патриотическая акция
«Их подвиг в памяти потомков сохраним»

Номинация ««Поиск. Находки. Открытия»
«По страницам истории моей малой Родины»

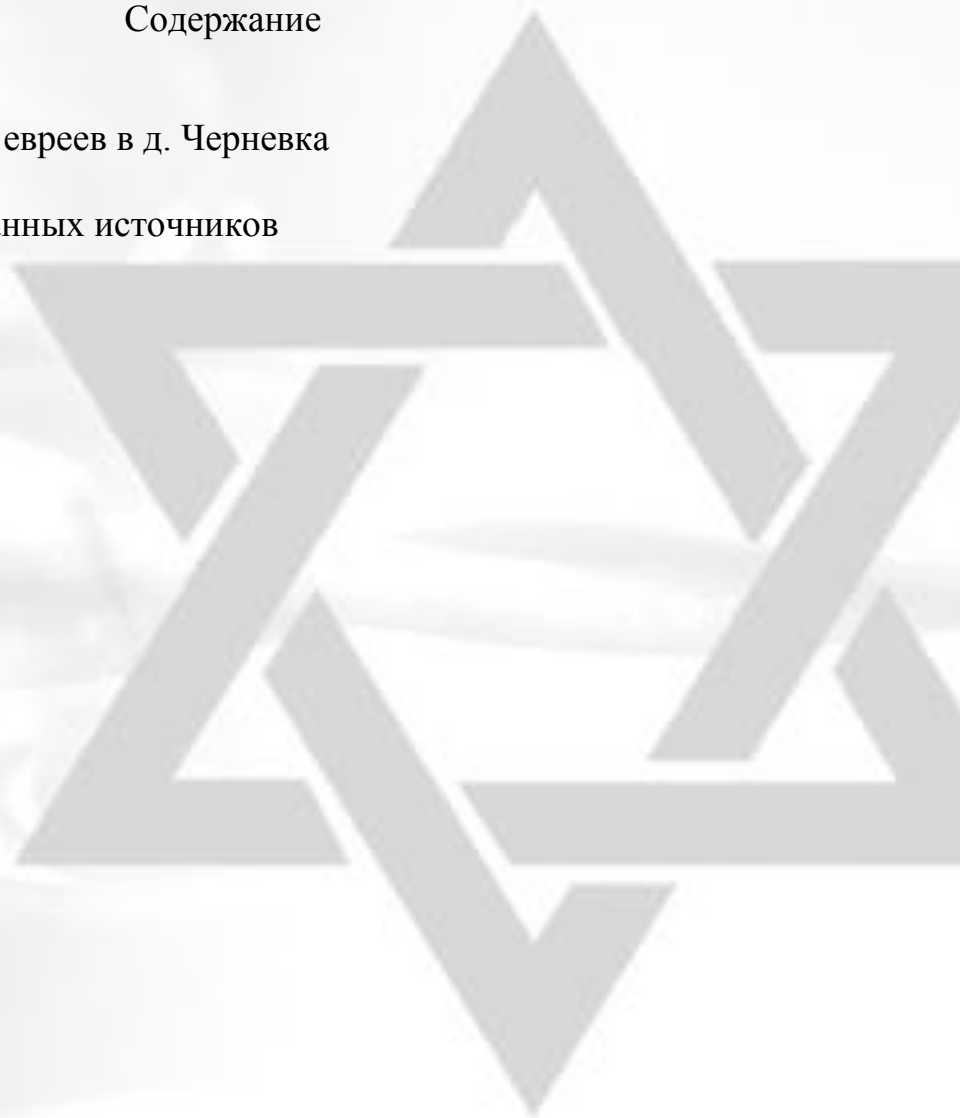
С в и н ц о в а я р а н а Ч е р н е в к и

Подготовила: Волкова
Дарья, учащаяся IX класса
Могилевская область,
Дрибинский район,
агрогородок Черневка, ул.
Школьная, 10
+375 2248 70780
Руководитель: Андреева В.И.

Содержание

- I. Введение
- II. История расстрела евреев в д. Черневка
- III. Заключение
- IV. Список использованных источников
- V. Приложение

Введение

2021 год...

Прошло уже 80 лет со дня начала тяжкого испытания народа в годы Великой Отечественной войны. Однако нет отрезка времени, который затянул бы раны тех, кто потерял родных, семью.

Каждый раз, перечитывая материалы, собранные по крупинкам педагогами, в нашей местной библиотеке, архивных данных, я находила для себя что-то новое, каждый раз я обращала внимание на мелкие факты, но которые складываются в нашу историю.

Я уверена, что многие факты, к сожалению, умерли вместе с очевидцами, но и многое мы сами теряем, не обращая внимания. Учащиеся УПК постоянно ухаживают за Братской могилой и могилой расстрелянным евреям в д. Черневка. Мне захотелось узнать больше о трагедии, связанной с расстрелом мирных жителей.

Моя работа построена на документальных источниках архива Черневского УПК яслей-сада-средней школы, архива Черневской сельской библиотеки, данных в Интернет и иные материалы.

Цель: исследование истории расстрела евреев д. Черневка.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. изучить материалы;
2. проанализировать материал интернет-ресурсов;
3. систематизировать и оформить материал.

Объект исследования – это факт расстрела мирных жителей д. Черневка с 6 по 26 октября 1941 года.

Предмет исследования – школьный архив, публикации и интернет-ресурсы.

Новизна исследования состоит в систематизации всех материалов о данной трагедии.

Методы исследования:

1. Исследовательский метод (сбор материала);
2. Поисковый метод (документальные источники, источники в сети интернет);
3. Интервьюирование;
4. Сравнительный анализ и систематизация полученных данных.

Срок исследования: апрель 2021 года.

Черневка – одна из старейших деревень в районе. Считается, что населенному около 400 лет. До войны – это небольшое еврейское местечко, в котором был создан еврейский колхоз.

Евреи, жители местечка Черневка, работали кузнецами, продавцами, занимались сельскохозяйственными работами наравне с другими односельчанами, дети учились в Черневской средней школе. Известно, что в 1925-26 гг. 32 еврейских семьи «единолично» занимались земледелием на своих земельных наделах. [3]

Старожилы вспоминают еврейский погром 1918 года, во время которого был убит Абрам Зеликов, бросившийся на бандитов с палкой; синагогу, в которой затем размещалась сапожная мастерская; отъезд местечковой молодежи в большие города на учебу перед войной.

Сейчас деревня Черневка – агрогородок. Здесь строятся коттеджи, объекты социально-бытового назначения, предприятия торговли.

В начале войны беженцы из города Могилева, из Шклова, Березино, не успевшие уйти за линию фронта, скрывались в лесах. Среди них были и евреи. В начале осени 1941 года по близлежащим от местечка Черневка деревням появились объявления немецкой комендатуры: «Местечко Черневка – место жительства евреев. Приходите спокойно. Спокойно живите. Будьте спокойны. Регистрация у бургомистра местечка Черневка. Получайте документы, еду». Постепенно в местечко стали приходить и приезжать евреи, преимущественно, старики с детьми. Они становились на учет, получали документы и возможность поселиться у кого-нибудь в доме, некоторых заселяли в пустующие дома. Первые месяцы охраны и притеснений не было, напротив, оказывалась помощь, выдавалось пропитание. Однако это продолжалось недолго.

6 октября 1941 г. особые войска СС окружили соседние деревни, расположенные по соседству с Черневкой. Проводили обыски и облавы. Пойманных евреев, погнали в Черневку.

Тем же утром полицаи Черневского гарнизона приказали евреям быстро собираться в дорогу, под предлогом переезда в более просторное место. Вскоре все были собраны в одном месте и построены в колонну. Через несколько десятков метров колонну остановили и бургомистр приказал положить вещи, чемоданы, узлы, котомки и пройти несколько шагов вперед. Выбрали наиболее крепких мужчин, погнали их к крутому рву метров за 300 и там расстреляли.

Женщин делили на две разные группы: помоложе и постарше. Каждая мать держала около себя своих детей. Дети метались, плача, между двумя этими группами. Полицаи били плетками, некоторых хватали за руки и кидали детей в сторону. Молодых девушек хватали за руки и тянули в какое-нибудь помещение, чтобы там изнасиловать. Девушки изо всех сил кричали, боролись, пытаясь вырваться, но это им не удавалось. Потом изнасилованных подталкивали ко рву и расстреливали. Гитлеровские нацисты расстреляли всех мужчин и детей старше 15 лет. Смотреть на расстрел, было пригнано все взрослое нееврейское население местечка и соседнего поселка Васильевка.(Приложение 1)

Расстреливали и тех, кого поймали в какой-нибудь соседней деревне, если он был похож на еврея. Все это продолжалось часа три. Больше 500 человек было расстреляно и сброшено с крутого склона в глубокую яму. Были там и убитые, и раненные, которые со стонами и воплями умирали рядом с расстрелянными. Оставили в живых лишь хромого и престарелого Лейбу, который после расстрела сам бросился с крутого обрыва на убитых. Лейба просил, чтобы его застрелили, а немцы и полицаи смотрели и смеялись. Вещи, отобранные у евреев, полицейские разделили между собой.

21 октября 1941 г. были расстреляны женщины и оставшиеся дети. Расстрел происходил на окраине местечка у рва в месте, которое по-еврейски называлось «Рукренице». Карательный отряд собрал женщин и детей еврейской национальности в овин, где с них была снята одежда, и группами расстреливал в овраге м. Черневка. Малых детей живьем бросали в яму и закапывали землей.

Во время расстрела сумел спастись Плоткин Вуля (Владимир), тогда мальчик 8-9 лет. Когда немцы пошли за очередной партией людей, он, раненный, выбрался из ямы и побежал прочь. Вулю спрятала семья, жившая в доме недалеко от кладбища. По воспоминаниям, спаслись также Ципа Фаерман (Файерман), Ципа Горина, жена Шлемы Лейзеровича (имя неизвестно), Моцкин.

Более десяти, сумевших скрыться во время облавы, женщин и детей некоторое время прятались в бане, в лесу неподалеку от поселка Кищицы. Их судьба неизвестна.

В 1 августа 1961 г. выходцами из этого местечка было организовано перезахоронение всех погибших. Останки расстрелянных мужчин и часть останков расстрелянных женщин и детей были выкопаны и перевезены на кладбище. Там, где были захоронены женщины и дети, оказались подземные холодные водяные ключи, и поэтому часть тел сохранилась неразложившимися, и их можно было узнать. Похороны произведены в двух братских могилах, отдельно мужчин, отдельно женщин на еврейском кладбище этого местечка и поставлены памятники.

Похороны погибших организовали выходцы из местечка Даниэль Розин, житель Могилева – Файерман Арон, житель Ленинграда – Илья Моцкин, Зелик Зеликов, и другие. Власти не разрешили написать на табличке о том, что памятник поставлен погибшим евреям. На памятнике надпись:

«Мирному населению Черневки, трагически погибшему от рук немецких захватчиков 6–26 октября 1941 года». (Приложение 2) [1]

Документы свидетельствуют:

Из материалов ГЧК

Показания очевидцев расстрелов еврейского населения:

Гр-н м. Черневка Дрибинского района Панков Захар Иванович показывает, что в первых числах августа 1941 года в м. Черневка немецким карательным отрядом было расстреляно около 200 человек советских граждан. Ровно через месяц опять прибыл карательный отряд, собрал женщин и детей еврейской национальности в овин, где с них была снята одежда, и группами расстреливал в овраге м. Черневка. Малых детей живьем бросали в яму и закапывали землей. В этот день было расстреляно около 600 человек и всего расстреляно в м. Черневка около 800 человек.

Таким образом, на основании свидетельских показаний, по далеко неполным данным, за время немецкой оккупации в Дрибинском районе немецко-фашистскими оккупантами и их сообщниками истреблено мирных советских граждан 2636 человек, в том числе замучено военнопленных русских 97 человек. Кроме того, угнано в немецкое рабство 652 человека. [5]

Из воспоминаний Прокофьевой (Тромбачевой) Татьяны Петровны (1924 – 2007 гг.): «До войны я училась в Черневке. Это было еврейское местечко и еврейский колхоз. Вместе со мной в 10 классе училось 19 парней и 10 девчонок. Из них было 4 еврея: Иосиф Климент, Гриша Хасин, Эсфирь Фраерман, Хаим Соловьев. Это были очень хорошие ребята и прекрасные ученики. Мы все дружили. Моими друзьями были и более младшие школьники – девятиклассники Тристер Ида, Вуля Ноткин, брат Эсфири Фраерман и др. Первых троих моих одноклассников расстреляли фашисты в Черневке в 1941 г.

Среди учителей помню Басю (Бетю) Станиславовну, которая вела немецкий язык. Она была очень хорошей учительницей. Немецкий язык я и сейчас помню, а когда пришли фашисты, мы их свободно понимали и общаться могли. Но это не спасло саму Басю Станиславовну. Она была расстреляна, как и еще более 700 евреев местечка. Метрах в двухстах от церкви на берегу заболоченной речушки, притока Баси, был вырыт большой ров, куда и согнали всех евреев. Расстреливали и полицаи, и немцы.

Организованной эвакуации не было. Уходили, кто как мог. Смог спастись Вуля Ноткин, его брат и сестра. Вуля после войны работал в милиции в Могилеве, его брат – врачом в Киеве. Хаим Соловьев (он жил в Коровчино) смог добраться до Москвы, стал летчиком. Мать Ханы Гориной ушла в партизанский отряд, а после войны жила в Дрибине. Я с ней встречалась, и по ее рассказам, знаю, что саму Хану расстреляли.

Здесь в местечке жил учитель физики Г. Он был падок на спиртное. Когда пришли фашисты, его поставили старостой. Рассказывали, что к нему каждую ночь водили молодых евреек. Через это перед расстрелом прошла и Хана. После освобождения староста был повешен.

В местечке было много смешанных браков. Знаю, что смогла спасти свою дочь Давыденко Наста. Дочь звали Хана, а после крещения она приняла имя Ева.

В 50-е гг. по инициативе родственников, которые приезжали из Ленинграда, Москвы, других городов, трупы расстрелянных были выкопаны и перезахоронены на старом еврейском кладбище, от которого теперь мало что осталось. Там же был установлен памятник.» [4]

Из воспоминаний Свитковой (Красновой) Марии Герасимовны: «До войны наша большая семья жила в поселке Васильевка, что в пяти

километрах от еврейского местечка Черневка. У нас в семье было 3 сестры и 6 братьев, отец работал председателем сельсовета, ревизором. Жили мы хорошо. В июне 1941 г. папу забрали на фронт. Я помню, как он уходил в Кищицы, где был сельсовет. С войны папа не вернулся. Мама осталась одна с 9 детьми, старшему было 16 лет, а младший родился в начале осени 1941 г. Я помню, как началась война. Был очень жаркий день. Немцы гнали колхозное стадо коров и свиней. Но свиньи, спасаясь от жары забрались в воду речки Баси и никак не хотели оттуда выходить. Отставших свиней подбирали наши поселковые. У нас тоже забрали корову и хотели забрать гусей. Немец ловил птиц и засовывал в большой мешок. Мы, малыши, бегали вокруг и кричали: «Это наши гуси!». Тогда брат (ему тогда было лет 8-9) подбежал, дернул мешок снизу и все гуси разбежались. Мама страшно испугалась, что вооруженные солдаты начнут в нас стрелять, но они только смеялись и говорили: «Гут!»

Где-то в начале осени приехали немцы расстреливать евреев Черневки. Тогда почти все взрослое население смотрело на это. Нас, младших детей, мама непустила, но старшие братья рассказывали, что всех евреев согнали на край местечка и заставили вырыть яму. Потом людей ставили на край и расстреливали. Одну черноволосую кучерявую маленькую девочку – нееврейку, немцы тоже заталкивали в колонну идущих на расстрел, но вступились местные жители и ее отпустили к родителям.

Через несколько дней после расстрела мы с подружками гуляли недалеко от поселка. Там стояла большая старая баня. Оттуда вышла женщина-еврейка и позвала нас. Мы видели, что в бане пряталось много людей. Это были евреи из Черневки, которые смогли спастись во время облавы. Один маленький мальчик лет 4-5 очень сильно кашлял. Мама взяла

его домой. Она положила его на теплую печь, отпаивала травами, натирала мазью, и он очень быстро выздоровел. Мы привязались к мальчику, мама хотела оставить его у нас, но старший брат сказал, что это очень опасно и грозит гибелью всей семье. Мама отвела малыша в баню. Мы с двумя девочками-подружками носили в баню яйца, молоко. Мама готовила еду и передавала с нами. Она также собирала продукты для евреев у соседок, которым доверяла. Я помню, что евреи из бани давали нам конфеты-ледяшки. Женщина из бани спросила наши имена и фамилии, записала их и обещала, что, когда война закончится, они найдут и отблагодарят нас. Мама просила не рассказывать о том, куда мы ходим, братьям, а старший брат (он часто приходил из леса домой ночевать) когда узнал, что беженцы-евреи записали наши фамилии, очень сердился и говорил, что если немцы найдут записи, то нас всех расстреляют. Что стало с этими людьми, я не знаю.

Самый старший брат, комсомолец, сразу же после прихода немцев ушел в лес к партизанам. Во время войны нас едва не расстреляли, кто-то донес, что брат в партизанах, а отец – коммунист. 15-летнего брата Колю и двоюродного брата, тоже Колю, угнали в Германию. Их спасла от голодной смерти девушка из нашей деревни, которую поставили работать на кухне. Ночью, тайком, она подсовывала им куски еды под колючую проволоку ограждения барачных лагерей. Нас с односельчанами едва не спалили в церкви в деревне Кищицы. Немцы и полицейские уже согноли туда все население и заперли двери, но потом, почему-то передумали и отпустили.

Недалеко от того места, где прятались евреи в бане, был блиндаж. Там партизаны скрывали своих раненных. Мы с братьями носили туда приготовленную мамой еду, воду и перевязочный материал. На меня мама наматывала прокипяченные в марганцовке тряпки для перевязки. Брат наказал, что если нас кто-то заметит, ни в коем случае не идти к раненым. Однажды нас задержал немецкий патруль. Мы видели, что недалеко пасутся

коровы и сказали, что несем еду нашим пастухам. Но, на самом деле наши пастухи пасли коров совсем в другой стороне, а там, куда мы шли, пасли стадо из деревни Кулешовка. Вот удивились кулешовские пастухи, когда мы принесли им еду и сказали, что заблудились и раз уж своих пастухов найти не можем, то они могут поесть.

После войны оставшиеся в живых родственники погибших евреев наняли мужиков, и те в прорезиненных передниках и защитных масках вскрыли могилу. Наниматели рабочих стояли рядом и следили, чтобы оставшиеся на телах украшения, часы не забирали, а перекладывали вместе с трупами в большой деревянный короб. После войны никто из евреев в Черневку не вернулся.

По рассказам матери я запомнила одну фамилию: Моцкин. Он держал лавку или ларек. Был богатым, по деревенским меркам, человеком. Мама до войны покупала у него для себя и детей платочки, носки. Говорили, что он остался жив. [1]

Из воспоминаний Карабановой Веры Мироновны: «В Черневке жила многодетная семья Гориных. Жену звали Ципа Горина, и она была двоюродной сестрой сестер Нахман, которые приняли православие. Муж Ципы Гориной в 1939 или 1938 г. погиб. Ципа работала в маленьком магазинчике, растила 5 или 6 детей. С молодой красивой и доброй женщиной дружили многие крестьянки из соседних деревень. Когда евреев загнали в гетто, женщины помогали ей, приносили еду. Перед акцией уничтожения она ушла в деревню Рудицы, чтобы достать каких-нибудь продуктов у знакомых. Она пряталась у знакомых до вечера, чтобы незаметно вернуться в гетто, когда прибежали люди из Черневки и сказали ей, что всех евреев расстреляли. Женщина потеряла сознание. Знакомые спрятали ее в погребе. Там она лежала четыре дня. Потом, когда пришла в себя, хотела пойти в Черневку, чтобы погибнуть со всеми. Но в семье, где она скрывалась, жила

религиозная старуха, которая сказала: «Ты туда не пойдешь! Мы острижем тебе волосы, нарядим по-крестьянски в самотканку, лапти». Взяли на Ципу «аусвайс» и отправили в Смоленскую область, где ее никто не знал. Через неделю в селе был бой. Ципа пришла к командиру Красной Армии, ее направили в «особый отдел». И там оказался парень-еврей из Черневки, который еще перед войной уехал в Ленинград учиться. Он сразу узнал Горину, и ее освободили. Женщина поступила в военный госпиталь, дошла до Берлина. Только в 1946 г. она приехала назад, была в Черневке и пришла к нам домой.

В Дрибине оказалась еще одна еврейская семья Домешки. Их сын Наум, 1923 г.р. был на войне. Мать расстреляли. Дочку Аню 1925 или 1926 г.р., когда евреев стали расстреливать, спасли в старом Дрибине ее одноклассницы и отправили в партизаны. Командир партизанского отряда переправил ее в Башары к пожилой женщине. Там она и прожила всю войну. Отец их воевал и тоже вернулся. Наум Домешко, сапожник, женился на Ципе. Аня окончила фармацевтический институт, вышла замуж, часто приезжала в Башары и в Дрибин. У Ципы и Наума детей не было. Ципа отмечала все дни рождения своих погибших детей. Она умерла в 1950- гг.» [2]

Из воспоминаний Зеликова Зелика Семеновича (Приложение 4): «В тот день, когда расстреляли в Черневке всех евреев, Ципа Горина ходила за продуктами в другую деревню и оставила четверых детей. Когда пришла, уже всё было сделано, всех расстреляли. Она пошла к полицейскому Котову, который помогал расстреливать евреев, и сказала: «Веди, стреляй меня!» А жена этого полицейского начала плакать: «Ципу стрелять не дам! Всё, что хочешь, делай, а Ципу не дам!» Ципа ушла, перешла линию фронта, воевала до самого окончания войны, и уже потом, когда судили Котова, Ципа

выступила свидетелем. И потому, что её он не расстрелял, его не отправили под расстрел, а дали 20 лет тюрьмы.

Благодаря усилиям патриотов – Даниела Розина в Могилеве, Фаерманов в Ленинграде, были разысканы бывшие жители Черневки по всему Союзу. Были собраны деньги для памятника погибшим в Черневке (на месте поселения ничего не осталось).

...Мы поехали в самом начале 1960-х, чтобы похоронить всех и поставить памятник. Там даже кости их почти не сохранились. Мы собрали все, что осталось. А женщин и детей расстреливали 26 октября, в месте, которое по-еврейски называлось «Рукренице», там небольшой ров и ключи били. Когда мы направились, чтобы собрать кости, то увидели, что там лежали совершенно не разложившиеся тела. Когда мы вскрыли захоронение, то трупы стали сразу чернеть, пошёл очень сильный запах. Чтобы рабочие могли работать, я купил водки, одеколону. Председатель колхоза сбил ящики. Останки рассыпались, когда их брали, чтобы переложить в те ящики. Было это всё страшно и тяжело. И всех так похоронить просто не смогли, несколько ящиков закопали, а остальных так и оставили в земле.

Памятник был поставлен в 1960 году на территории бывшего еврейского кладбища при местечке. Но власти не разрешили написать на табличке о том, что памятник поставлен погибшим евреям. Там сейчас написано «Мирному населению Черневки, трагически погибшему от рук немецких захватчиков 6-26 октября 1941 года». (Приложение 5) [5]

Из воспоминаний Давыденко Евы Ефимовны: «Я родилась в Черневке. Своего отца не знаю, но мама говорила, что он был евреем. Во время войны меня прятали у родственников в соседних деревнях. Возили тайно, из дома не выпускали. Очень боялись, что кто-нибудь донесет и меня убьют. Боялись полицаев, что из нашей деревни, боялись соседей.

Сама я, конечно, не видела, но взрослые рассказывали, что всех евреев собрали в колхозных сараях на окраине, потом выводили оттуда на расстрел.

Говорили, что во время расстрела сумел спастись Плоткин Вуля (Владимир), тогда мальчик лет 8-9. Когда немцы пошли за очередной партией людей, он, раненный, выбрался из ямы и побежал прочь. Вулю спрятала семья, жившая в доме недалеко от кладбища. Вся его большая семья погибла. В 60-х годах Плоткин работал в Могилеве начальником Ленинского райотдела милиции.

После войны приезжали с фронта те, кто остался жив. Многие приходили к нам.

Сделали перезахоронение. Мужики вывозили трупы людей на еврейское кладбище. Там потом евреи поставили памятник.

Особенно меня потряс один случай. Я хорошо помню дочку Ципы Гориной – Хану, очень красивую девушку с прекрасными длинными волосами. Когда откопали ее труп, его сразу опознали по косе, она лежала, крепко прижав к себе своего маленького братика. Так их и похоронили вместе. [4]

Из заметок Савки Осиповича: «Никанор Спиридонович Мамычонок рассказал мне, как расстреливали евреев осенью 1941 г. Я записал его рассказ в тетрадь. Кажется, что все пережито и нет необходимости про это рассказывать, но это были наши евреи – жители местечка Черневка, которые работали кузнецами, продавцами, занимались сельскохозяйственными работами наравне с другими односельчанами, у них были дети, которые учились в Черневской средней школе.

Когда началась война, и пришли хозяйничать немцы, то многие жители, особенно евреи, покинули свое место жительства и разбежались по близлежащим лесам. Их пристанищем был лес Гебелевщины. Тут были евреи

и из города Могилева, и из Шклова, и даже из Березино. Люди им оказывали помощь, а некоторые прятали от врага.

И вот через некоторое время по близлежащим от местечка Черневка деревням появились объявления немецкой комендатуры: «Местечко Черневка – место жительства евреев. Приходите спокойно. Спокойно живите. Будьте спокойны. Регистрация у бургомистра местечка Черневка. Получайте документы, еду». Не совсем скоро, но стали приходить и приезжать старухи с детьми, старики, мальчики, девочки. Они все брались на учет, получали бумаги и указания к какому хозяину на квартиру идти жить. А некоторых заселяли в отдельные дома, которые пустовали. Тогда, казалось, началась нормальная жизнь. Никто их не сторожил, не издевался, а наоборот оказывалась помощь, особенно пропитанием. Однако это было совсем недолго.

Осенним утром особые войска СС окружили соседние деревни, расположенные по соседству с Черневкой. Проводили обыски и облавы. Тех евреев, которых поймали, погнали в Черневку. Тем же утром полицаи Черневского гарнизона бросились по домам, где жили евреи и приказали им быстро собираться в дорогу, взять с собой все свое богатство, т.к. в Черневке им жить тесно – им отвели более просторное место. Жители заволновались. Они верили и не верили, но быстро начали собираться. Вскоре все были собраны в одном месте. Им предложили каждому взять свои чемоданы и строиться в колонну. Каждая мать держала около себя своих детей и близких знакомых. Прозвучала команда направо и люди растерялись, не понимая, где право, где лево. Им показали пальцами и колонна не пошагала, а двинулась. Прогнав несколько метров, колонну остановили и бургомистр крикнул: «Положить чемоданы и торбы и пройти несколько шагов вперед. Все так и сделали. Быстро выбрали наиболее крепких мужчин. Все видели, как их

погнали к крутому рву метров за 300 и там расстреляли. Потом начали выбирать женщин. Женщин делили на разные группы: помоложе и постарше. Дети металась, плача, между двумя этими группами. Полицаи били плетками, некоторых хватали за руки и кидали в сторону. Стоял плач и крик.

Вскоре начали выбирать молоденьких девушек. Их хватали за руки и тянули в какое-нибудь помещение, чтобы там изнасиловать. Девушки изо всех сил кричали, боролись, пытались вырваться, но это им не удавалось. Потом изнасилованных подталкивали ко рву и расстреливали.

Расстреливали и тех, кого поймали в какой-нибудь соседней деревне, не спрашивая, кто он такой, если был хоть капельку похож на еврея. Все это продолжалось часа три. Больше 500 человек было расстреляно и сброшено с крутого склона в глубокую яму. Были там убитые, были раненные, которые со стонами и воплями умирали рядом с расстрелянными. Из всех оставили хромого и престарелого Лейбу, который сам пошел живым и бросился с крутого обрыва на убитых. Лейба просил, чтобы его застрелили, а немцы и полицаи смотрели и смеялись.

Только через некоторое время, когда на землю уже стали спускаться сумерки, комендант СС приказал своему офицеру построить отделение немецких солдат и прострелять всю загруженную людьми яму.

В Черневке стояла абсолютная тишина. Только в крепости слышался смех и шум. Полицаи делили отобранные у евреев вещи. Шум и смех окончились песнями.

Потом мне стало известно, что выкопанные из земли трупы перезахоронили и установили небольшой памятник на братской могиле на Черневском кладбище. [1]

Заключение

Комок в горле, боль, щемит в груди. Эмоции переполняют и захлестывают.

Некоторые материалы повторяются, но мне не хотелось упускать ни слова, ни фразы из того, что было найдено, ведь, как оказалось, интервью уже взять не у кого. Я максимально постаралась собрать все крупички материалов, которые опубликованы и находятся в свободном доступе.

Данный материал я предложу педагогам нашего УПК и не только, чтобы использовали в работе с учащимися. Я буду рассказывать всем знакомым, чтобы боль пронзала человеческие сердца, ведь так важно помнить такие уроки истории, чтобы не повторить их вновь.

2020 год показал нам, как важно помнить свою историю. Помнить, передавать ее потомкам, чтобы ее не забрали, не переписали другие...

Уроки истории жестоки, но очень поучительны.

Очевидцев нет, но память жива. И мы сегодня должны жить, чтобы помнить, помнить, чтобы жить...

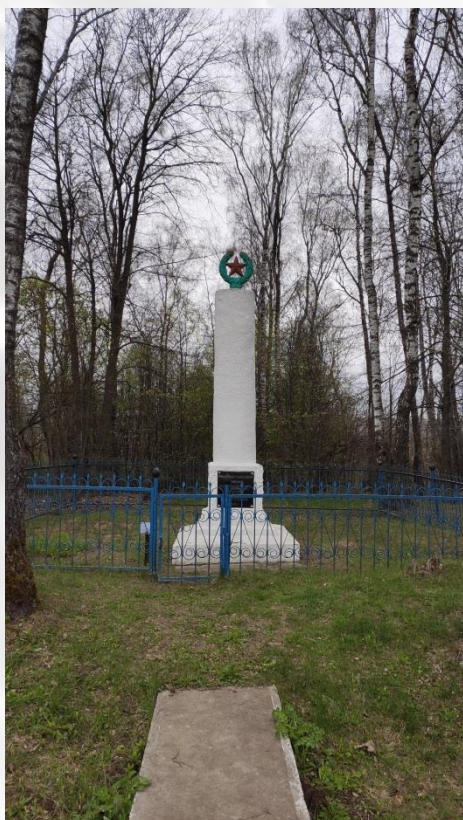

Список использованных источников

1. Материалы Черневского УПК яслей-сада-средней школы
2. Материалы Черневской сельской библиотеки
3. НАРБ, ф. 4, оп. 10, д. 14, л. 9
4. mogjewishhistory.ru
5. shtetle.com

Одно из мест расстрела евреев

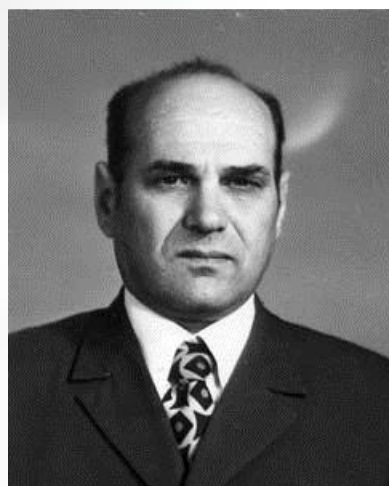

Приложение 3

Тромбачева Т.П.

Приложение 4

З.С. Зеликов

Возле памятника погибшим евреям